

На правах рукописи

Ключева Мария Аркадьевна

ЯЗЫК МАРИЙСКОЙ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Специальность 5.9.5. Русский язык.
Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Йошкар-Ола – 2026

Работа выполнена в государственном бюджетном научном учреждении при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева» (г. Йошкар-Ола)

Официальные оппоненты: **Мызников Сергей Алексеевич**, доктор филологических наук, чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва);

Онина Софья Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор Высшей школы гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (г. Ханты-Мансийск);

Насипов Илшат Сахиятуллович, доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. Российской Академии Естествознания, профессор кафедры татарского языка и литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (г. Ижевск)

Защита диссертации состоится 16 октября 2026 года в 13.00 на заседании диссертационного совета 72.1.001.02 при ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»: 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Академии наук Республики Татарстан (420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Академии наук Республики Татарстан (<http://www.antat.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ (<https://vak.minobrnauki.gov.ru>).

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Подпись

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

М. И. Ибрагимов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная работа посвящена изучению марийской народной игровой культуры в ее языковом выражении. Народные подвижные игры – уникальный и чрезвычайно информативный пласт традиционной культуры, отражающий архаичные языковые, мировоззренческие элементы, социальные, семейно-бытовые, хозяйственные практики прошлого и в то же время чутко реагирующий на современные культурные и языковые процессы. В настоящее время марийские народные игры и игровая лексика марийского языка сохраняются в живой памяти взрослого населения в разнообразии диалектных, локальных вариантов. Но современные дети играют и меньше, и иначе, а главное – марийские дети даже в коренных сельских поселениях перестают быть носителями родного языка, играют по-русски (в вербальном плане), утрачивая связь с собственно марийской традицией игры. Таким образом, марийские народные игры находятся под угрозой исчезновения, что определяет своевременность обращения к этому материалу в специальном лингвистическом исследовании.

Степень изученности темы. До последнего времени изучение марийских игр и связанных с ними пластов лексики марийского языка практически исчерпывалось фиксацией материала, причем это делалось нецеленаправленно и достаточно фрагментарно. Основной объем опубликованной информации о марийских народных играх содержится в работах этнографов и фольклористов, в словарях марийского языка, изданиях диалектологических материалов, в нотных сборниках. Особенно содержательны в плане фиксации игровой диалектной лексики марийского языка собрания и публикации лингвистов В. М. Васильева (1926, 1931)¹, Э. Беке (1957–1961, 1997–2001)², Ф. И. Гордеева (1979,

¹ *Васильев В. М. (Ўпымарий).* Марий мутэр: турлө вэрэ илышэ марийын мутшым танастарэн нэргэлымэ кнага = Сравнительный словарь наречий марийского языка. Москва: СССР калык-влак рӱдӱ савыктыш = М.: Центральное издательство народов СССР, 1926 [на обложке – 1928]. 346 с.

Васильев В. М. Марий калыкын йомакшэ, ойлымашыжэ, туштыжо, тошто мутшо, мурыжо: Фольклор = Сборник материалов по устной марийской народной словесности. М.: ССР Ушэм калык-влак рӱдӱ савыктыш, 1931. 189 с.

² *Беке Ӧ.* Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. I–IV. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957–1961.

1983)³, В. И. Вершинина (2011)⁴. Информативны небольшие сборники марийских игр, игровых и хороводных песен, детского фольклора, изданные на марийском языке, А. Е. Китикова⁵, С. Д. Архиповой⁶, О. М. Герасимова⁷, В. Т. Михайлова⁸.

Собственно лингвистические исследования на материале марийской игровой культуры до начала нашей работы по этой теме практически отсутствовали. В марийской фольклористике представлены две диссертации, касающиеся народных игр и опубликованные в виде монографий: «Марийская народная драма» В. А. Акцорина, в которой игры рассматриваются как феномен народного театра (1976)⁹, и «Детский фольклор народа мари» А. Н. Петуховой (2004, 2006)¹⁰. Музыкальная и хореографическая составляющая марийских народных игр в определенной мере попадает в поле зрения музыковедов и композиторов (И. С. Палантай, Г. Лобачев, О. М. Герасимов, Д. М. Кулышетов, Н. В. Мушкина), хореографов (Л. А. Соколов, М. П. Мурашко, А. А. Чеботкин, Т. Дмитриева, Ж. Шутылева и др.), драматургов. Отчасти марийские игры рассматривались в контексте этнопедагогики

Beke Ö. Mari Nyelvjárásí szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus IV₁₋₉. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 1997–2000, 3332 s.

³ *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1–2. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. Т. 1. 1979. 255 с. Т. 2. 1983. 287 с.

⁴ *Вершинин В. И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 794 с.

⁵ *Китиков А. Е.* Марий калык модыш = Марийские народные игры / сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. 60 с.

⁶ *Архипова С. Д.* Марий калык модыш-влак / сост. С. Д. Архипова. Йошкар-Ола: Сельские вести, 2012. 128 с.

⁷ *Герасимов О. М.* Игровые и плясовые песни мари = Модмо да куштымo марий муро-влак. Йошкар-Ола: Звениговская типография Мининформпечати РМЭ, 1993. 40 с.

⁸ *Михайлов В. Т.* Марий калык ойпого: Туныктымo пособий = Марийский фольклор: Учебное пособие. Йошкар-Ола: Марий кугыжаныш ун-т, 2012. 304 с.

⁹ *Акцорин В. А.* Марийская народная драма (Народная драма). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1976. 200 с.

¹⁰ *Петухова А. Н.* Детский фольклор народа мари. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. 287 с.

народа мари и традиционного физического воспитания¹¹. Но самым ярким специальным исследованием марийских народных игр на сегодняшний день остается изданная в 1958 г. в США книга *Studies in Cheremis: Games* (Исследования черемис: Игры) выдающихся ученых – семиотика и лингвиста Т. Шебёка и антрополога-людолога П. Брюстера¹². В этой фундаментальной работе собраны и систематизированы все описания марийских народных подвижных игр, которые были доступны этим ученым, и к каждой игре были приведены параллели и соответствия из игровой культуры народов мира. В настоящее время подобными сопоставительными исследованиями отчасти занимается этнолог Г. Р. Шагапова, которая применяет и финно-угорский материал, изучая распространение отдельных игр и игровых сюжетов в региональном и глобальном масштабе¹³. Аналогичные подходы к работе с игровым материалом обских угров использует Т. В. Волдина¹⁴. Но надо обозначить, что этнологи и антропологи изучают игровой материал практически в отрыве от языка, зачастую даже не приводя аутентичные названия игр на национальном языке (как в той же книге Шебёка и Брюстера)¹⁵. Такой подход очень продуктивен для изучения

¹¹ Чуриков И. А. Этнопедагогика народа мари: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект: Трикта, 2005. 304 с.

¹² Sebeok T. A., Brewster P. G. *Studies in Cheremis: Games*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press. 1958. 123 p.

¹³ Шагапова Г. Р. Об общих этапах этногенеза по материалам игровой культуры народов Поволжья и Приуралья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4 (22). С. 105–116.

Шагапова Г. Р. Этнокультурные контакты предков хантов и манси по материалам игровой культуры // Вестник угроведения. 2020. Т. 20. № 4. С. 748–758.

¹⁴ Волдина Т. В., Хакназаров С. Х. К вопросу об угро-иранском культурном родстве: игры с камнями у хантов и таджиков // Природные богатства Югры в культуре обских угров. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 69–77.

Волдина Т. В. Традиционные обско-угорские игры с косточками и другими роговидными материалами: структурно-типологический анализ // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 520–532.

Волдина Т. В. Реконструкция игры казымских хантов «Тос – шир – вой»: этимология и семантика // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Тюмень, 2023. С. 215–223.

¹⁵ Шебёк и Брюстер планировали издать марийский языковой материал своего исследования отдельно – эта публикация, к сожалению, не состоялась.

игр в типологическом освещении, но национальная, этническая характерность определенной игровой культуры практически ускользает вместе с языком.

Методология исследования языка игровой культуры в современной марийской лингвистике также развита недостаточно. Отсутствуют терминологические словари, диалектные словники игровой лексики марийского языка. Игровая лексика занимает весьма скромное место в общих и диалектных словарях марийского языка, таится преимущественно в неизданных архивных коллекциях фольклорных, этнографических, диалектологических материалов (фонды МФЭ, МЭЭ, МДЭ, НРФ МарНИИЯЛИ). Классические работы по сравнительной лексикологии (общей лексике духовной и материальной культуры народов Поволжья) М. Рясенена, Р. Г. Ахметьянова, Н. И. Исанбаева и др. затрагивают игровой материал по минимуму. Ценность представляют наблюдения марийского лингвиста Ф. И. Гордеева, который хоть и точно, но достаточно целенаправленно изучал особенности марийской детской речи и игровую лексику, осознавая важную роль этого материала для «историко-этимологических разысканий»¹⁶.

Анализ генезиса и этимологии марийской игровой лексики – важнейшая задача при исследовании языка игры. Этимология слов марийского языка изучена достаточно хорошо, но не исчерпывающе¹⁷. Исконная лексика марийского языка представлена в классических словарях зарубежных и отечественных финно-угроведов (UEW¹⁸, SKES¹⁹,

¹⁶ Гордеев Ф. И. Слова детской речи как предмет историко-этимологических разысканий // Вопросы марийского языка (Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 53). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 81–96.

¹⁷ См. упомянутые выше, в сноске 3, два тома «Этимологического словаря марийского языка» Ф. И. Гордеева (1979, 1983 – до буквы Д), а также:

Вершинин В. И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Йошкар-Ола: Стринг, 2017–2018. 741 с.

¹⁸ Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Budapest: Académiai Kiadó, 1988. XLVIII+905 s.

¹⁹ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Y. H. Toivonen, I – 1955, E. Ikonen, Aulis I. Joki, II – 1958; III – 1962; IV – 1969, V – 1975, VI – 1978 – Helsinki VII – 1981. 2293 s.

Bereczki 1992²⁰; Bereczki 2013²¹; Лыткин, Гуляев 1999²²); тюркизмы – в работах М. Рясненена (1920, 1923)²³, Н. И. Исанбаева (1989, 1994)²⁴ и отечественных тюркологов (Федотов 1996²⁵; ЭСТЯ²⁶; Ахметьянов 2015²⁷), заимствования из русского – в работах марийских лингвистов (Саваткова 1969²⁸; Исанбаев 2014²⁹) и др. (Agyagási 2023)³⁰. Имеются современные публикации и электронные базы данных по этимологии

²⁰ Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II. Studia Uralo-Altaica, 34). Szeged: Attila József University, 1992. 129 s.

²¹ Bereczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. XXIX + 332 p.

²² Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1999. 430 с.

²³ Räsänen M. Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Bd. XLVIII). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1920. XVI + 276 s.

Räsänen M. Die Tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Band. L= SUST L). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923. 98 p.

²⁴ Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая (татарские и башкирские заимствования). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. 176 с.

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. 208 с.

²⁵ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 509 с.

²⁶ Этимологический словарь тюркских языков: общетюрк. и межтюрк. лекс. основы на буквы... / АН СССР. Институт языкознания. М.: Наука, 1974–.

²⁷ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка: В 2 т. Казань: Магариф – Вақыт, 2015. Т. 1. 543 с.; Т. 2. 576 с.

²⁸ Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1969. 129 с.

²⁹ Исанбаев Н. И. Русские лексические заимствования дореволюционного периода в марийском языке: словарь-справочник. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 97 с.

³⁰ Agyagási K. = Адягаши К. Русско-марийские языковые контакты в ареальном освещении. Юбилейный сборник статей к 70-летию профессора Клары Адягаши / со вступительным словом О. А. Сергеева; под редакцией Н. В. Шахвердовой, Б. Дьёрфи (Tractata Slavica, Volume VII) Debrecen: Debreceni Egyetem, 2023. 180 p.

марийского, других уральских и тюркских языков (Кузнецова 2010³¹; Aikio 2014³², Савельев 2015–2025³³; БД Starling³⁴ и мн. др.) Вместе с тем редкая диалектная, узколокальная игровая лексика марийского языка (несловарная) практически не попадала в поле зрения этимологов и предметом специального этимологического анализа не становилась. Изучение генезиса марийской игровой лексики невозможно без сопоставления с игровой лексикой в родственных и контактных языках. В настоящее время базу таких источников составляют (помимо словарей и словарных баз данных) сборники описаний игр и текстов игрового фольклора на национальных языках. Наиболее содержательны в плане игровой лексики финно-угорских языков Урало-Поволжья книги «Традиционные игры и развлечения удмуртов» (Долганова, Морозов 2002)³⁵, «Детский фольклор коми» (Рассыхаев 2023)³⁶, «Мордовские народные игры» (Брыжинский 2009)³⁷. Татарский детский и игровой фольклор последовательно изучали Н. С. Исанбет (1941, 2023)³⁸ и Р. Ф. Ягафаров (1984, 2007, 2009)³⁹, сборники описаний татарских и

³¹ Кузнецова М. Н. Названия диких и домашних животных в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2010. 316 с.

³² Aikio A. The Finnic ‘secondary e-stems’ and Proto-Uralic vocalism // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja (SUSA/JSFOu)*. 2015. Vol. 95. P. 25–66.

³³ Савельев А. В. Марийская этимологическая база. Рукопись. 2015–2025.

³⁴ Вавилонская башня (проект «Эволюция языка»). Базы данных. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/main.cgi?flags=wygnnnl> (дата обращения 14.10.2025).

³⁵ Долганова Л. С., Морозов И. А. Традиционные игры и развлечения удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. 382 с.

³⁶ Детский фольклор коми: игры / авт.-сост. Рассыхаев А. Н. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. 524 с.

³⁷ Брыжинский В. С. Мордовские народные игры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. 272 с.

³⁸ Татар халкының балалар фольклоры / төз. Н. Исәнбәт. Казан: Татгосиздат, 1941. 188 б.

Исәнбәт Н. Балалар фольклоры һәм жырлы-сүзле йөз төрле уен. Икенче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. 543 б.

³⁹ Ягафаров Р. Ф. Стихотворные жанры татарского детского фольклора: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.09. Казань, 1984. 209 с.

Ягафаров Р. Татарский детский фольклор. Казань, 2007. 172 с.

Ягафаров Р. Ф. Уен – күнел бәйрәмә: татар халкының уен фольклоры. Казан: Мәгариф, 2009. 159 б.

башкирских игр публикуются достаточно активно (Йомгак таптым 2000⁴⁰; Народные жемчужины 2002⁴¹; Балалар фольклоры 2009⁴²; Галяутдинов 2002⁴³ и др.). Материалы по чувашской игровой лексике богато представлены в многотомном «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина (1928–1950)⁴⁴, имеются и в других источниках (Ягодова, Махалова 2005⁴⁵; Ача-пӑча фольклорё 2009⁴⁶). Русская диалектная игровая лексика содержится в «Словаре русских народных говоров» и других диалектных словарях⁴⁷, сборниках игр. Однако фундаментальные лингвистические исследования по игровой лексике языков народов России не проводились⁴⁸.

⁴⁰ Йомгак таптым: Балалар фольклоры (Народные жемчужины. Детский фольклор) / сост. Р. Ф. Ягафаров. Казань: Магариф, 2000. 159 б.

⁴¹ Народные жемчужины: татарские народные игры / сост. Р. Ф. Ягафаров. Казань: Магариф, 2002. 159 с.

⁴² Балалар фольклоры. Казань: Татарстан Республикасы «Хәтер» нәшрияты, 2009. 479 б.

⁴³ Галяутдинов И. Г. Башкирские народные детские игры (на русском и башкирском языках). Книга первая. Уфа: Китап, 2002. 248 с.

⁴⁴ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1928–1950 (Репринт – Чебоксары: Руссика 1994–2000).

⁴⁵ Ягодова Л. Г., Махалова И. В. Чувашские детские игры: методическое пособие для воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Чебоксары: Новое время, 2005. 135 с.

⁴⁶ Чӑваш халӑх пултарулӑхӗ. Ача-пӑча фольклорё = Чувашское народное творчество. Детский фольклор / Чӑваш патшалӑх гуманитарӑ йӑслӑхӗсен институтӗ / йӑслӑх редакторӗ, пухса хатӗрленӗ, ум сӑмахпа йӑнлантарусене сыраканӗ В. А. Ендеров. Шупашкар (Чебоксары): Чӑваш кӗнеке издательстви, 2009. 415 с.

⁴⁷ Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.

⁴⁸ Русскую диалектную и городскую региональную игровую лексику в последние десятилетия достаточно последовательно изучали фольклористы И. А. Морозов и И. С. Слепцова (2004), С. Б. Борисов (2002, 2008), К. В. Пьянкова (2003; Березович, Пьянкова 2007), М. В. Гаврилова (2013, 2017, 2019). Лингвистические подходы к игровому материалу представлены в работах А. В. Дыбо (1993), Г. И. Романий (Городские диалекты; Романий 2009, 2013, 2015, 2015а; Романий, Ключева 2016, 2018). Появляются исследования, посвященные диалектной игровой терминологии в локальных русских традициях, например, Центрального Черноземья (Баудер 2009), Орловской области (Бахвалова 2017), Ульяновской (Мызникова 2018), Среднего Приобья (Угрюмова 2020), Республики Мордовии (Денисова, Мо-

Игровая лексика – диалектная, локальная, ареальная по своей природе. В числе базовых подходов диалектологии – лингвогеографический и методы картографирования. Необходимость создания диалектологического атласа марийского языка обсуждалась лингвистами МарНИИ(ЯЛИ) с первых лет работы института еще в 1930-е гг., но многие планы остались нереализованными. В 1977–1980 гг. авторская группа под руководством Н. И. Исанбаева работала над марийской частью крупного международного проекта «Лингвистический атлас Европы». Материалы по первому опроснику (546 слов, 13 марийских диалектов) были переданы в Институт языкознания РАН, но марийский диалектологический атлас так и не был издан. В Архиве МарНИИЯЛИ сохранились материалы этого проекта (без карт) (НРФ, оп. 2, д. 305–309). В дальнейшем Исанбаев дает достаточно подробную лингвогеографическую характеристику татарских заимствований в марийском языке, не прибегая к картографированию⁴⁹. Таким образом, лингвогеографические методы в марийской диалектологии реализованы в минимальной степени и требуют актуализации, в том числе в нашем исследовании они будут применены по отношению к игровой терминологии.

Итак, степень изученности языка марийской игры недостаточная, есть проблемы и с источниковой базой, и с уровнем разработки методов, применимых к задачам нашего исследования, что говорит об актуальности заявленной темы.

рева 2025), Забайкалья (Лиханова 2025) и др. Достаточно сильная традиция изучения народной игровой культуры и игровой терминологии сложилась в коми фольклористике (Несанелис 1989, 1994; Рочев 1988; Рассыхаев 2002, 2014, 2017, 2023; Мальцева 2013). Преимущественно в аспекте этнопедагогики и ревитализации исследуется игровая культура хантов и манси. За период с 2018 по 2023 г. была опубликована целая серия методических пособий по различным играм обских угов и ряд статей Т. В. Волдиной, Н. А. Молдановой, К. В. Ледкова. Но описания игр народов России часто публикуются на русском языке, что делает такие издания малоинформативными в лингвистическом отношении (Мальми 1987; Таракина 1978: 128–144; Прокопенко 1997, 2005, 2019, 2020; Волдина 2018; Красильников 2002, 2004) и т. д.

⁴⁹ *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. (Татарские и башкирские заимствования) Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. С. 67–103.

Объект исследования – игровая лексика марийского языка. К ней относится игровая терминология (названия игр, персонажей, предметов игры, действий, локусов, фигур движения и т. д.), слова в текстах игрового фольклора и в нарративах с описаниями игр и их правил. **Предмет** исследования – состав лексических единиц в системе игровой лексики марийского языка, их функционал в играх, семантика, этимология (генезис), диалектное распределение, морфологические характеристики в текстах.

Целью нашего исследования является системный анализ вербального компонента марийских народных игр. Он предполагает полный охват материала (игры всех жанровых разновидностей, записанные у разных диалектных групп мари за весь период наблюдений и сбора сведений о них), выделение в нем самых существенных для лингвистического исследования элементов, четкое формулирование приоритетных задач и применение комплекса методов, адекватных их решению.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- собрать и систематизировать весь материал с описаниями марийских народных игр из разрозненных источников начиная с первых фиксаций XVIII в. до современных полевых записей в единый свод данных, на основе и в рамках которого будет осуществляться исследование;
- изучить типы названий игр в диалектах марийского языка и сопоставить их морфологические модели с соответствующими в других языках;
- выявить и описать лексическую систему номинаций персонажей марийских народных игр;
- дать этимологический анализ игровой терминологии марийского языка, выявить баланс исконной лексики и заимствований в разных пластах игровой терминологии;
- выстроить каркас словаря специфической игровой терминологии марийского языка с этимологическими справками и отражением когнатов в соседних и родственных языках, что будет осуществлено по типам игр (а) чурания в играх преследования, б) лексика игр в классики, в) лексика игр с деревяшками и костями);

– осуществить комплексный анализ глагольной лексики в марийских текстах с описаниями игр, а именно: ранжировать глаголы, наиболее употребительные в описаниях народных игр, по частотности и ключевости, классифицировать их по основным лексико-семантическим группам и по этимологии; осуществить анализ глагольной морфологии – выявить самые частотные и самые специфичные глагольные словоформы в описаниях игр и сравнить эти данные с глагольной морфологией в других типах текстов (сказка, литературные тексты больших онлайн-корпусов марийского языка и др.), проанализировать роль сложных глагольных комплексов в текстах с описаниями игр. Многоаспектный анализ глагольной лексики в играх особенно важен, поскольку глаголы выражают действие, т. е. включают в себе главное содержание народных подвижных игр.

Материал исследования: практически полный объем текстов с описаниями марийских народных игр всех этнографических групп мари из отечественных и зарубежных публикаций (лингвистических, этнографических, научно-популярных), периодических изданий начиная с XVIII в. по настоящее время, а также из рукописных архивных фондов МарНИИЯЛИ, современных полевых записей и даже художественной литературы на марийском языке, которая в плане описания народных игр, как правило, документально точна. Весь имеющийся в настоящее время материал по марийским играм сведен в сборник «Марийские народные игры» (далее МНИ). Объем личных полевых записей автора диссертации в МНИ за период с 2001 по 2026 г. составляет 370 единиц из 2603, не считая десятков записей, сделанных студентами Марийского государственного университета под нашим научным руководством. В настоящее время данная рукопись, включающая оригинальные марийские тексты из источников и их переводы на русский язык, функционирует как большая пополняемая база данных (2016–2026, 62,5 авторских листа). Ссылаясь на МНИ, мы указываем номер текста, а в случаях, когда это необходимо, и первоисточник, год рождения информанта, место бытования игры. При цитировании сохраняется орфография источников. Переводы марийских текстов – наши (М. К.), кроме случаев, когда они есть в источнике.

Методология исследования. В исследовании применяется широкий арсенал методов современной лингвистики:

– традиционные методы интервьюирования, анкетирования, включенного наблюдения (в полевой практике), дополненные современными методами поиска и отбора языковой и фольклорно-этнографической информации в соцсетях (меморатов детства на марийском языке с описаниями игр); структурно-типологический метод классификации игр и их вариантов. Использование этих методов создает прочную и хорошо структурированную базу материалов исследования (МНИ);

– корпусные методы, которые позволяют качественно и эффективно выполнять сплошную выборку и обработку лексического материала из определенного корпуса данных с помощью технических средств современной компьютерной лингвистики. В частности, результативно применены возможности конкордандирования текстов в программе AntConc, инструментарий лингвистической платформы Lingvodoc (ИСП РАН) и самого крупного онлайн-корпуса марийского языка со снятой омонимией и развернутой системой поиска на технологической площадке Giellatekno (Арктический университет, Норвегия);

– методы этимологического анализа (особенно при работе с нетривиальной несловарной марийской игровой терминологией);

– методы семантического анализа при общих задачах классификации лексического материала на тематические (лексико-семантические) группы и специальных задачах анализа контекстной семантики и явлений грамматикализации глаголов в главе 4;

– методы лингвистической географии, в частности картографирование определенных игровых номинаций по диалектам марийского языка. Наиболее существенные результаты применения этих методов представлены в первой и третьей главах;

– методы морфологического анализа и техника сплошной и выборочной глоссировки слов в тексте, примененные при анализе морфологических моделей названий игр в марийском языке (глава 1) и при анализе глагольных форм и сложных глагольных комплексов в текстах с описаниями игр в главе 4;

– количественные методы анализа (численные, статистические), особенно последовательно реализованные в главе 4 (количественный

анализ глагольных средств в текстах с описаниями игр, логарифмические расчеты ключевости слов). Но и в других главах работы численные методы позволяют оценить результаты конкретного анализа, например, выявить баланс исконной лексики и заимствований в определенных группах игровой лексики марийского языка и представить его в виде наглядных диаграмм.

Хотя наше исследование лингвистическое, выполняется оно на фольклорном материале и носит междисциплинарный характер. Этим обусловлено применение в работе в определенной мере инструментария фольклористики, этнографии, культурологии. По предмету исследования и методологии особое влияние на наше исследование оказали работы Е. А. Покровского, В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Г. С. Виноградова, В. Я. Проппа, И. А. Морозова, Н. А. Глухой, Ю. Е. Березкина, С. Ю. Неклюдова, Л. М. Ивлевой, Е. Л. Березович, А. Н. Рассыхаева, М. В. Гавриловой, Г. Р. Шагаповой и др., обобщающие коллективные проекты вроде многотомного словаря «Славянские древности» (школа этнолингвистики Н. И. Толстого). В полной мере мы опираемся также на методологические решения и результаты нашей кандидатской диссертации «Народные подвижные игры: опыт типологии», написанной под научным руководством театроведа и фольклориста А. Ф. Некрыловой на русском материале (защита в 2008 г. в Российском институте истории искусств, Санкт-Петербург).

Интеграция лингвистических и фольклорно-этнографических методов составляет суть подхода, который можно назвать лингвоэтнологией. Данный термин (от лат. *lingua* 'язык' и *ludus* 'игра') образован по аналогии с такими понятиями современного гуманитарного знания, как лингвофольклористика, этнолингвистика, лингвистическая антропология⁵⁰, пересекается с ними по содержанию понятия, но уже, более специальный и фокусируется на игре и релевантных именно для игры элементах как главном материале и объекте исследования. Лингвоэтнология позволяет перейти от общего описания игр и их правил к анализу культурных кодов, заложенных в языке. Через изучение вербальных единиц раскрывается сам феномен игры. В разработке и апробации этого подхода заключается методологическая новизна работы.

⁵⁰ См. Форум: Лингвистическая антропология // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 12–189.

Научная новизна и теоретическая значимость работы заключается в применении оригинальной методологии, введении в научный оборот значительного корпуса прежде не публиковавшихся источников по марийским играм (архивные материалы, полевые записи автора и др.) и в целом в системном подходе к анализу конкретного пласта лексики – терминологии марийских народных подвижных игр. На масштабном материале целого языка и по подобной методологии комплексные исследования игровой лексики ранее не проводились, в т. ч. и по другим языкам народов России, включая русский. Разработанная нами методология и структура лингвоцентричного исследования игры может быть экстраполирована на работу с другим языковым материалом. Полновесно представленный языковой материал по марийским играм создает базу для дальнейшего сравнительного изучения игр народов России и мира. В ходе исследования выявлены значимые сведения в области теории диалектов марийского языка (в частности, корреляция между морфологическими структурами в названиях игр и границами этнографических групп мари, соответствия между ареалами определенных номинаций в играх и границами диалектов). Игры детей изобилуют специфическими словами, многие из которых функционируют только в играх, только локально. Открытие и анализ такого рода лексем, не зафиксированных в марийских словарях, является вкладом в марийскую диалектологию, марийскую и сравнительную лексикологию, ареальную лингвистику. Некоторые находки по этимологии нетривиальной марийской игровой лексики имеют ценность для этимологических исследований в области тюркских и финно-угорских языков, а также неславянского субстрата (экстенциальных лексических единиц) в русских диалектах. Обнаружена глубокая взаимная связь игровых культур народов Урало-Поволжья, вскрыты общие пласты лексики игры в данном регионе, указано на доминирование в языках Волго-Камского языкового ареала игровой терминологии тюркского происхождения. Это задает наиболее продуктивное направление исследований марийской духовной и материальной культуры – именно в региональном аспекте и в контексте многовекового взаимодействия мари с соседними народами, прежде всего тюркскими.

Научно-практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в преподавании теорети-

ческих курсов и спецкурсов в высших учебных заведениях по лексикологии, диалектологии, этимологии, морфологии урало-алтайских языков и марийского языка, ареальной лингвистике, лингвистической географии, а также ряду смежных дисциплин филологического и социально-гуманитарного профиля. Материалы диссертации могут быть применены при разработке учебников и учебно-методических пособий, а также специализированных словарей. Диалектные и фольклорные тексты МНИ – ценный ресурс для создания фольклорного и диалектологического подкорпусов марийского языка (в дополнение к имеющемуся основному литературному «Корпусу марийского языка» МарНИИЯЛИ). Научно-прикладная ценность источниковой базы исследования (МНИ) заключается также в том, что она представляет собой объемный массив параллельных текстов (описаний игр и текстов считалок на марийском языке с переводами на русский), востребованный в современной марийской компьютерной лингвистике для совершенствования имеющихся систем машинного перевода.

Представленное лингвистическое исследование марийских народных игр вступает в междисциплинарные связи с фольклористикой, этнологией, культурной антропологией, литературоведением, искусствоведением, историей, религиоведением, культурологией, социологией, психологией, педагогикой и может представлять научный-практический интерес для исследователей в этих смежных областях.

Практическая ценность и актуальность определяется самим объектом исследования: очевидна возможность педагогических приложений теоретических исследований в области народной игры и ее языка. Неоценимо воспитательное значение игрового фольклора. Игры – одна из основ народной педагогики, они традиционно использовались для физического, умственного, нравственного воспитания детей и по-прежнему сохраняют свой педагогический потенциал, востребованы в развитии современного этноспорта. Материал диссертации может использоваться в самых различных практиках, связанных с языком, традиционной культурой, этнопедагогикой, спортом, искусством; применим для повышения квалификации работников сфер культуры и искусства, воспитания и образования, может способствовать более осмысленному и грамотному использованию народных игр и игрового фольклора в художественном и педагогическом творчестве, культурно-

массовой работе. Таким образом, наше исследование работает на сохранение и ревитализацию нематериального культурного наследия марийского народа в самом широком понимании и применении.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обнаружены и картографированы два крупных диалектных ареала, которые дифференцируются по морфологическим моделям названий игр и коррелируют с границами этнографических групп мари. В западно-южном ареале бытуют отыменные названия игр со словоизменительным формантом *-ла* и отглагольные с формантом *-мыла* (структуры, идентичные чувашским). В восточно-северном ареале отыменные названия игр употребляются в номинативе с послелогом-инструментом *дене*, а отглагольные – с п-овым показателем деепричастия (исконного происхождения).

2. Систему номинаций персонажей марийских игр составляют три основные группы терминов: зоонимы, мифонимы, наименования человека (личные имена, соционимы, термины родства). Они выражают агональное начало большинства народных подвижных игр, идеи противостояния, борьбы, сопротивления (человек vs мифологический персонаж, животное-хищник vs жертва и т. п.), а также коррелируют с системой персонажей марийского фольклора и традиционной культуры.

3. Масштабный этимологический анализ игровой лексики марийского языка (порядка 500 слов) показал, что основной массив в ней составляют заимствования из чувашского и татарского языков (свыше 40 % в группах мифонимов, терминов родства, зоонимов, в названиях костяных и деревянных предметов игры; около 30 % тюркизмов в марийских чураниях и рекордные 69 % – в группе глаголов ментального действия).

4. Заимствования и проникновения из русского языка в марийскую игровую лексику преобладают среди соционимов (81 %), антропонимов (100 %), мифонимов (43 %), они неравномерно представлены в диалектах марийского языка, и их объем возрастает в играх более позднего времени, в связи с переключением кода и переходом марийских детей на русский язык.

5. Исконная лексика финно-угорского, уральского происхождения в марийских играх значительно уступает заимствованиям, но относительно хорошо представлена в группе зоонимов (28 %) и безусловно

доминирует в системе глаголов (53 % среди ста самых частотных глагольных основ в текстах с описаниями игр), чем подтверждается известный лингвистический факт: глаголы (имена действий) наиболее резистентны к заимствованиям.

6. Структура игрового действия отображается в системе глаголов. В марийских текстах с описаниями игр наиболее частотны глаголы бытия и существования, фазовые и модальные глаголы, доминирующие в текстах любого содержания, тогда как наиболее специфичны (обладают наибольшим индексом ключевости) – глаголы ролевых отношений игроков, контактного воздействия, движения-перемещения, а также глаголы звукоизвлечения и зрительного восприятия, т. е. выражающие наиболее типичные для подвижных игр действия.

7. Баланс глагольных форм в текстах с описаниями игр (а они составляют практически треть от всех слов в таких текстах) характеризуется небольшим преобладанием нефинитных глагольных форм над финитными; резким преобладанием настоящего-будущего времени над прошедшими; глагольных форм третьего лица – над первым и вторым, единственного числа – над множественным, высокой частотностью деепричастий, в том числе в сложных глагольных комплексах. Но большая часть этих свойств характерна и для марийской сказки (и в целом для текстов типа action (экшн) на марийском языке). Наиболее специфична для текстов с описаниями игр высокая частотность причастий – они служат для ситуативного обозначения игроков.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 67 публикациях, в том числе 23 научные статьи – в журналах, рекомендованных ВАК⁵¹, 22 статьи – в журналах, реферируемых в базах данных Scopus и Web of Science, таких как «Вопросы языкознания», «Этнографическое обозрение», «Традиционная культура», «Урало-алтайские исследования» (Москва), «Томский журнал лингвистических и антропологических исследований», «Вестник угроведения» (Ханты-Мансийск), «Ежегодник финно-угорских исследований» (Ижевск), *Linguistica Uralica* (Таллин), *Acta Linguistica Petropolitana* (Санкт-Петербург), «Сибирский филологический журнал» (Новосибирск). Серия статей по теме исследования опубликована в научном журнале

⁵¹ В том числе две статьи, написанные в соавторстве с коллегой из Израиля Глебом Ивановичем Романием.

«Финно-угроведение» (Йошкар-Ола). Многочисленные доклады по теме диссертации были сделаны на научных конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Ижевске, Йошкар-Оле, Чебоксарах, Ульяновске, Перми, Твери, Петрозаводске, Переславле-Залесском, Козьмодемьянске и др. и опубликованы в сборниках научных статей и материалов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка условных сокращений и списка литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна диссертации, определяются объект и предмет исследования, цели, задачи, освещается история вопроса и степень изученности темы, характеризуются теоретико-методологические принципы исследования, методы и приемы анализа, излагается теоретическая и практическая значимость полученных результатов, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе на материале игр преследования выявляются «**Морфологические модели названий игр в марийском языке**». Для отыменных форм – это: а) существительное в номинативе с послелогом *дене*, имеющим значение инструментал (например, *вувер дене* ‘в ведьму’), и б) форма с аффиксом *-ла* направительного значения (например, *вуверла* ‘в ведьму’). Для наименований игр, образованных от глагольной основы, две основные морфологические модели: а) деепричастие на *-ын* (*-йін*), *-ен* (например, *шылын модаш* ‘играть в прятки’) и б) форма на *-мыла* (*-мӱлӱ*) (например, *шылмыла модаш* ‘играть в прятки’). Обнаружена тождественность марийских и чувашских формантов в названиях игр: для отыменных форм – суффикс *-ла* (*-лӱ*) ~ чув. *-ла* (*-ле*); для глагольных – *мыла* (*-мӱлӱ*) ~ чув. *-малла* (*-мелле*). Этот факт коррелирует с обилием тюркской лексики в марийской игровой терминологии. Таким образом, марийские названия игр, формы лексем, означающих игры, являются вполне маркерным материалом, диагностирующим взаимопроникновение чувашского и марийского языков, меру, степень и ареал их контаминации на уровне морфологии

именных и отглагольных форм, что вписывается в общую систему многоуровневых взаимосвязей марийского и чувашского языков и фольклора, в том числе игрового. Логическим соответствием марийским наименованиям игр с послелогом *дене* являются названия игр в инструментале в пермских языках, а также в русских диалектах Севера Европейской части России, где, по-видимому, носят характер финно-угорского субстрата (например, игра *рыбою* ‘в рыбу’). При картографировании марийских названий игр преследования (прятки, жмурок, догонялки) отчетливо выделяются два ареала: западно-южный (со структурами, изоморфными чувашским) и восточно-северный («марийско-пермский»). К западно-южному ареалу относятся горное наречие и волжский говор лугового наречия марийского языка, к восточно-северному – большинство диалектов восточного наречия и основные подговоры моркинско-сернурского говора (мар. Л). Северо-западное наречие, йошкар-олинский говор (мар. Л) и говор елабужских мари (мар. В) по отыменным конструкциям соответствуют модели западного типа, а по отглагольным – модели восточного типа. Переходной зоной между двумя морфологическими типами является ареал моркинско-сернурского говора, хотя в целом в нем преобладают модели северно-восточного типа как для отыменных, так и для отглагольных конструкций в названиях игр. Граница западно-южной и восточно-северной зоны, рассекающая луговое наречие пополам, соотносится с ареалами распространения двух моделей спряжения глаголов в марийском языке (западной и восточной)⁵² и также коррелирует с границей этнографических групп мари, традиционно определяемых по типу головного убора замужних женщин⁵³. Таким образом, в игровой лексике, морфологии

⁵² См. Ключева М. А. Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841) // Урало-алтайские исследования. 2021. № 1 (40). С. 31–46.

⁵³ Южные луговые мари (волжские и моркинские), как и горные, носили заимствованный у чувашей комплект из *шарпан* ‘головное полотенце’ и *нашмак* ‘очелыш’ (< чув. *сурпан-масмак*), а луговые северо-восточные мари и все восточные мари – собственно марийский головной убор *шымаки*, не имеющий тюркского аналога. Северо-западные и граничащие с ними луговые йошкар-олинские мари носили головной убор *сорока*, составляя третью этнографическую группу. Т. е. можно подытожить, что т. н. *шымакиан марий* (мари, носящие *шымаки*) в названиях игр в основном используют послелог *дене* для именных форм и формант *-ын*

названий игр отражается сложная история взаимодействий мари с финно-пермскими и тюркскими этническими группами.

Во второй главе работы «**Лексическая система номинаций персонажей марийских народных игр**» рассматриваются наименования игроков в марийских играх. В нее входят три параграфа, посвященные трем основным группам лексики, – зоонимам (п. 2.1), мифонимам (п. 2.2) и наименованиям человека в играх (антропонимам, соционимам, терминам родства, п. 2.3). Выявлено порядка 70 зоонимов, 30 мифонимов и 140 наименований человека, определены их функции в игре, дана классификация по тематическим группам и этимологии. Чаще всего зоонимы, и мифонимы, и наименования человека выступают в играх как названия водящего и его антагонистов, выражая идею агона и преследования.

В п. 2.1. «Зоонимы» показано, что в играх преобладают названия млекопитающих животных и птиц, диких и домашних, характерных для марийского быта и традиционной культуры хозяйствования. С точки зрения этимологии, большую часть зоонимов марийской игры составляют тюркизмы (41 % наименований), несколько меньше слов финно-угорского происхождения (28 %) и заимствований из русского (12 %), в числе которых названия экзотических животных (верблюд, слон, кенгуру, крокодил). Около 11 % зоонимов – собственно марийские и региональные слова с неочевидной этимологией. В марийском игровом фольклоре встречаются также мнимые зоонимы, когда непонятые слова чужого языка замещаются сходными по звучанию, но отличными по значению словами. Так, в зачине марийской считалки *Пи́рым-пи́рым* носителям языка слышится слово *пире* ‘волк’, а в зачине *Мерангым-мерангым* – слово *меранг* ‘заяц’, хотя фактически обе считалки происходят от стандартного зачина татарских считалок *Берам-берам* ‘по одному, по-одному’. Примером обратного явления – скрытых зоонимов – является возглас *петюнга* (*петюка*) в горномарийской игре с палками, который происходит от русского диалектного названия петушка (*пет, петун, петунёнок* и т. п.), чего сами дети не осознают.

К обрядово-мифологической и религиозной лексике (**п. 2.2. «Мифонимы»**) относятся наименования сверхъестественных существ

(-ен) для глагольных, а *шарпан-нашмакан марий* (мари, носящие *шарпан* и *нашмак*, как чувашаи) – соответственно, форманты *-ла* (-лӓ) и *-мыла* (-мӓлӓ).

(например, *овда* ‘злой лесной женский дух’, *вувер* ‘ведьма’, *ия* ‘черт’), мифологических персонажей (легендарный богатырь *Чумбылат*), магических специалистов и служителей культа (*колдун*, *звездочет* и т. п.), ряженных (*мөчөр*, *Васли-кугыза* ‘Старик Василий’ и *Васли-кува* ‘Бабушка Василиха’), названия обрядовых атрибутов (например, *крест*), абстрактные понятия (например: *грех*) и т. п. В этой лексико-тематической группе наблюдается высокая доля заимствований: 48 % наименований – из тюркских языков, в том числе понятия мусульманской культуры и мифологии, например, *суксо* ‘ангел’, *молла* ‘мулла (жрец)’; 43 % – из русского языка, в том числе с поздней христианской семантикой, например, *пон(ик)*, *як* ‘дьяк’. Относительно мало слов исконных, финно-угорского происхождения (9 %) – фактически это лишь слова *юмо* ‘бог’ и *мужсан* ~ *мужан* ‘ворожец’. Хотя есть еще финно-угорские основы, входящие в структуру различных наименований этой группы (словосочетаний, композитов), например, исконное слово *курук* ‘гора’ в наименовании *курук оза* ‘хозяин горы’ (*оза* ‘хозяин’ < чув.).

В п. 2.3 рассматриваются наименования человека в марийских играх: личные имена, соционимы (названия профессий, социальных групп, этнонимы и пр.) и термины родства. Данная лексика несет в себе историко-этнографическую информацию, отражает взаимодействие мари с соседними народами, социальную структуру общества, род занятий марийского населения, правовые, политические, религиозные практики, семейный быт, этническую историю, современность, культурные изменения, языковые сдвиги и даже влияние мировой массовой культуры (например, имена Тарзан и Синди в марийских играх). Для антропонимов (личных имен) отмечается абсолютное доминирование (практически 100 %) христианских имен, пришедшей из русского языка (в некоторых случаях, возможно, через тюркские) – оказалось, что в марийском языке это самая открытая к заимствованиям область лексики. В нашем фонде материалов (МНИ) лишь в некоторых материалах восточных мари и описаниях игр из художественной литературы встречаются дохристианские марийские имена преимущественно тюркского происхождения. Среди соционимов доля заимствований из русского языка тоже очень высока, 81 %, причем больше половины из них относятся к лексико-тематической группе «война и криминал» (слова типа вор, палач, солдат, пленный, судья, белые, красные, развед-

чики и т. п.). Многие лексемы этой группы относятся к играм советского времени, но тема суда, конокрадства представлена и в играх, записанных еще в XIX веке (у уральских мари). Значительная часть заимствованных из русского языка соционимов – интернационализмы, т. е. лексика не славянская, пришедшая в русский язык из европейских языков, восходящая к латыни и греческому (например, доктор, маляр, мастер, полицейский, шпион, партизан и т. п.). Соционимы, заимствованные из тюркских языков, относительно малочисленны (10,5 %) и связаны с позитивными социальными занятиями – уход за животными, охота и охрана (например, *орол* ‘сторож’, *күтүчө* ‘пастух’), искусство (наименования музыкантов *шүвырзө* ‘волынец’, *түмырзө* ‘барабанщик’). Тюркизмы также доминируют среди терминов родства (практически половина всех лексем), и представлены они преимущественно в подражательных играх, отражающих семейный быт. Большое количество общих терминов родства в марийском и чувашском языке, раскрытое при анализе игровой лексики, указывает на сходную, даже общую структуру семьи и семейного быта у чувашей и мари, тесные семейные связи и смешанные браки как существенную часть этногенеза обоих народов.

Подчеркнем также, что и зоонимы, и термины родства в марийских играх в высокой степени насыщены мифологическими коннотациями. Система персонажей марийских народных игр соотносится с миром персонажей марийского фольклора, мифологии, обрядности, духовной культуры, а также обнаруживает тесные связи с культурой соседних народов Урало-Поволжья.

Третья глава диссертации **«Марийская игровая терминология в контексте общей лексики игровой культуры народов Урало-Поволжья»** включает 3 раздела, в каждом из которых на различном материале (прятки и догонялки, классики, игры с деревяшками и костями) рассматриваются вопросы фольклорной лексикологии марийской игры.

В п. 3.1. «Чурания в играх преследования» представлено порядка 30 чураний (формул-восклицаний) в играх в прятки и догонялки у разных этнографических групп мари, дан анализ их генезиса. Среди марийских чураний есть заимствования и переводы с русского языка (*туки-туки* ~ *тук-тук* ~ *тука-тука*, *пакукрай* ~ *пакупрай* ~ *панупрай* ~

укратительный палке, запырт, ура, ари шаваши, луаткок панды ‘двенадцать палочек’), заимствования из чувашского языка (*накас, ёркёй, потак*), из татарского (*лапаш, чок, кёргёл*). Ряд чураний можно отнести к общей лексике языков Урало-Поволжья, т. е. это слова, имеющие распространение в разных языках региона (*аёвёк, чур, кулай*). При заимствованиях подобной лексики, как правило, происходит ее десемантизация, например, лексическое значение ‘палка’ чувашского слова *патак* никак не известно марийским детям, которые используют чурание *потак* в игре. Генезис значительной доли марийских чураний остается неясным – в основном это либо уникальные слова в единичных записях (*оприса, шашатура*), либо слова, которые встречаются в разных языках, но источник и направление заимствования обозначить затруднительно (кочующая наднациональная лексика, например, *ням*). Пути проникновения чураний в локальные игровые традиции бывают достаточно случайными и даже курьезными, например, чурание *чондри* в отдельно взятой марийской деревне – скорее всего, от одесского *чундыра* и было занесено в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны прибывшими с одесских заводов эвакуированными. Для марийских чураний характерны звукоподражания и упоминания палки, что в целом типично для лексики игры в прятки. Более специфично использование в качестве чурания «обзывания» найденного, например: *ёркы* ‘лентяй’, *накас* ‘неуклюжий’. Возгласы чураний активно участвуют в словообразовательных процессах; от них происходят названия игр, наименования водящего, его действий в игре, предметов и локусов в игре (например, *кулай* > *кулайка* ‘палка’, *закулайкать* ‘зачурать’ (в русской речи марийских детей); *чур* > мар. *чурлаш* ‘чурать’). Такого рода производные слова в свою очередь могут послужить материалом реконструкции чураний при их утрате (неполных записях игры в источниках и т. п.).

П. 3.2. – «Лексика игр в классики». По рассмотренным источникам, игры в классики появились в марийской деревне не позднее 1920–1930-х гг. Вероятно, эта игра является относительно поздним привнесением в марийскую игровую культуру. Интересно проследить, как язык реагирует на инновацию, формируя связанную с нею систему номинаций. Естественна ситуация, когда язык игровой субкультуры пополняется из общего фонда языка или диалекта, например, для наименования битки в «новой» игре используется традиционный игровой

предметный термин *панга* (мар. Л) либо буквальное наименование предмета игры – *кү* ‘камень’, *охоницä* ‘стеклышко’ (мар. Г), *крем ате ~ керем äтй* ‘посудинка из-под крема’ и т. п. Вне зависимости от генезиса этих слов в языке, важно, что в игру они «спускаются» именно из общего лексикона марийского языка, а не напрямую из русской (татарской, чувашской) игровой субкультуры вместе с заимствованием игры. О хорошей сохранности языка говорит и имеющее место калькирование игровой терминологии из языка-донора в язык-реципиент, например, мар. Г название *циклä* ‘в границу’ игры в классики является переводом из рус. диал. *в черту*, локативный термин *пöрт* ‘дом’ соответствует русскому *дом*, татарскому *өй* ‘дом’. Но игровые субкультуры соседних народов характеризуются и весьма развитыми «горизонтальными» связями, когда при заимствовании игры из другого языка наследуется и ее лексика, причем узко локально, не попадая в общий словарный фонд языка-реципиента, что создает дополнительные трудности для обнаружения и фиксации подобного языкового материала. Конкретная семантика заимствованной лексемы может претерпеть существенные изменения. Так, татарское название игры в классики *тырак*, денотативное значение которого – звукоподражание прыжкам на одной ноге, в марийской игре *трак* становится названием битки в игре (баночки из-под зубного порошка). Как правило, при заимствовании происходят и фонетические изменения в слове, и подчинение его грамматическим нормам языка-реципиента. Наибольшую сохранность, устойчивость к заимствованиям проявляет глагольная лексика игр в классики. На протяжении XX – первых десятилетий XXI века усиливаются процессы проникновения русской лексики в марийский язык. При наличии собственной соответствующей лексики в игре используются русские слова, например, сектор в классиках называется по-русски *огонь*, но не *тул ~ тыл* ‘огонь’ (мар.), *ад* – но не *тамык*. Подобные явления – маркеры билингвизма и «переключения кода» как симптомов языковой ассимиляции.

П. 3.3. «Лексика игр с деревяшками и костями» – самый объемный в нашем исследовании, он посвящен наиболее традиционным играм мари. В марийских играх используются простейшие предметы, доступные ребенку в окружающем мире. Прежде всего это палки и деревянные разного размера и формы (как простые, так и специально обработанные, например, заточенные, обтесанные, с нанесенными на

них метками, изредка крашенные), прочие природные материалы (камушки, кости, глина, земля, снег, растения и их части, плоды, например, шишки, орехи, листья и т. д.), мяч (самодельный из шерсти животных или покупной резиновый, кожаный и т. п.), еда (яйца, колобки *ўяча*). Используются в играх и предметы быта, например, веревка, вожжи, нож, напильник, монеты, элементы одежды (платок, пояс, ремень, колечко, пуговица, лапти) и пр. Но, конечно, самый распространенный предмет в марийских подвижных играх – это палка, и в данном параграфе показано, в каких играх используются палки, палочки, а также кости и как они называются. В репертуаре игр с палками ведущее место занимают игры с метанием (ударом предмета по предмету), такие как городки, чиж, пыж, муха. Эти игры наиболее бессловесные, в них сильно собственно спортивное начало. В работе рассматриваются и другие формы обыгрывания палки и костей в играх, например, бросание палки по насту или льду – кто дальше (игры типа *snow snake*, *нырок*, *сула*), катание колесика на палке, игры с ключицей птицы типа *беру* и *помню*, *бирюльки*, *щелчки* и т. д. Основной аспект исследования – не столько описание действий в той или иной игре, сколько конкретные марийские названия предметов в игре: биты, сбиваемых ею костей, *деревяшек* и т. п. Они могут иметь названия в игре, соответствующие общезыковому, например: *тоя* ‘палка, посох’, *пондо* ~ мар. Г *панды* ‘палка, трость’, *пашкар* ‘палочка’, *панга* ‘палочка, костяшка’, *накал* ‘кость’, *кольмо* ‘лопатка’ и т. д. Но есть и специфические наименования предметов, которые встречаются только в играх. В этом параграфе особое внимание уделяется именно специфической лексике в названиях *деревяшек* и костей в марийских играх – редким, диалектным, локальным словам, отсутствующим в словарях либо представленным в них не в полной мере (без игровых значений). Игровая терминология, рассматриваемая в этом разделе, извлечена из редких источников (в том числе иностранных), архивных рукописей, неопубликованных полевых записей марийских игр, которые недоступны широкому кругу исследователей. Вошедший в главу материал достаточно полный, но не исчерпывающий.

Всего в параграфе 3.3 представлено порядка 70 различных марийских терминов игр с палками и костями. Каждому из них посвящена отдельная словарная статья (всего их 69, материал излагается по алфавиту). К каждому термину приводится этимологическая справка, а

сводные результаты анализа генезиса наименований деревяшек и палок в марийских играх заключаются в следующем. Более всего среди них тюркизмов (половина всех основ – 49 %). Остальной объем примерно в равной доле занимают исконные слова финно-угорского и уральского происхождения – преимущественно соматизмы и наименования древнейших орудий – стрелы, копья, лопаты (17 %), заимствования из русских диалектов (19 %) и группа собственно марийских слов – преимущественно оноματοпоэтических (12 %). К «проблемным» отнесены слова в единичных фиксациях (*чыркандай*, *масай*), без выявленных соответствий в игровой лексике других языков (есть вероятность, что это тюркизмы). Относительно невысокая доля заимствований из русского языка говорит о консервативности марийской терминологии спортивных игр с палками. Ср. соционимы и даже мифонимы, наоборот, весьма открыты к обновлениям. Полученные результаты указывают на существенное тюркское влияние на марийский спорт и игровую культуру марийских мальчиков и юношей, что может быть связано с имевшими место в истории совместными военными практиками и союзами. Представленная в данном параграфе лексика вкупе со словарем марийских чураний (п. 3.1) и материалом из других разделов (в частности, со списками имен персонажей игры из параграфов второй главы) может составить основу сводного словаря общей лексики игровой культуры народов Урало-Поволжья, который продолжил бы традицию изучения общей лексики духовной и материальной культуры тюркских и финно-угорских народов нашего региона, заложенную еще М. Рясänenом (Räsänen 1920; 1923), развитую Р. Г. Ахметьяновым (1981; 1989), Н. И. Исанбаевым (1994; 2011), И. С. Насиповым (2009, 2010, 2013)⁵⁴ и др. Игровая лексика затронута в фундаментальных работах данных и других авторов по минимуму, и проведенная нами работа (как в этой, так и в других главах) в определенной мере восполняет эту существенную лакуну в фольклорной лексикологии.

⁵⁴ Насипов И. С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2009. 236 с.

Насипов И. С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке. Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишиевой, 2010. 228 с.

Четвертая глава диссертационного исследования – «**Система глаголов в текстах с описаниями игр как вербальное отражение структуры игрового действия**» – посвящена анализу глагольной лексики в марийских текстах с описаниями игр. Она отличается прежде всего примененной методологией (статистические количественные методы, в которых главную роль играет параметр частотности слов). Материал исследования – избранные тексты из МНИ с описаниями подвижных игр на марийском языке, преобразованные в корпус со снятой омонимией. В четвертой главе диссертации четыре параграфа.

В п. 4.1. «Глагольная лексика в играх: частотность, ключевость» представлены и ранжируются по частотности и ключевости (т. е. специфичности) все глагольные леммы (основы), которые встречаются в исследуемом корпусе (всего их 407). При изложении результатов исследования существенное внимание уделяется описанию методологии исследования, поскольку она нетривиальна и связана с использованием технических средств, лингвистических программ (в частности программы-конкордансера AntConc), онлайн-корпусов марийского языка и особых логарифмических расчетов (при вычислении индекса ключевости слов в тексте), принятых в компьютерной лингвистике, но не применявшихся ранее при анализе марийского материала. Наиболее частотными оказались глаголы движения-перемещения и позы (вставать, бежать, идти и т. п.) и глаголы бытийные, служебные, фазовые, модальные (такие как быть, стать, иметь, делать, мочь, начинать и т. п.), которые являются самыми частотными в большинстве текстов любой тематики (ср. частотность т. н. легких глаголов to be, to do, to have, to get в английском языке). Наибольшим же индексом ключевости (т. е. специфичности для описаний игр) характеризуются глаголы, выражающие ролевые отношения игроков (например, водить, побеждать, считаться), их контактное взаимодействие, в том числе зрительный контакт (бросать, ударять, ловить; следить, искать и т. п.) – т. е. действия, которые наряду с движениями-перемещениями наиболее типичны для подвижных игр. Этот интуитивно ожидаемый результат получает в ходе произведенных в п. 4.1. расчетов математически точное подтверждение.

В п. 4.2. «Этимология, семантика» сто самых частотных глаголов (глагольных лемм) в описаниях игр классифицируются по этимологии и семантике. Если в наименованиях персонажей марийских игр без-

условно доминировали заимствования, то в системе глаголов, напротив, самую большую долю (3/4 основ) составляет исконная лексика – слова финно-угорского происхождения и собственно марийские. К исконной – финно-угорской и собственно марийской – относится лексика общего плана (бытийные, легкие, фазовые, модальные глаголы), а также большая часть глаголов, выражающих основные действия игроков в подвижных играх – движения рук и ног (перемещение в пространстве, движение на месте, манипуляция с предметами, перемещение объектов и другие виды воздействия на других игроков и предметы игры), голосовые проявления (речь, пение, смех), действия, связанные с работой зрения (видеть, смотреть, показывать) и собственно игровые термины (играть, быть водящим, разделяться на команды). Заимствования из русского языка в словословии самых частотных глагольных лемм в описаниях игр отсутствуют (!), а заимствованная из чувашского и татарского языков глагольная лексика – это преимущественно глаголы ментального действия, выражающие интеллектуальную, эмоционально-волевую рефлексию и коммуникацию, а также рефлексию над временем. Кроме того, среди чувашских заимствований есть глаголы, выражающие физические игровые действия, – глаголы звучания, не тривиального движения (например, *савырнаш* ‘поворачиваться’), контактного воздействия на противника или предмет. Лексико-семантическая характеристика заимствованных глаголов говорит о значительном в истории Поволжья интеллектуальном и культурно-гуманитарном влиянии тюркского мира на финно-угорский (марийский).

П. 4.3 – «Глагольная морфология». В нем выявляются самые частотные словоформы в корпусе описаний игр (для чего была произведена полная глоссировка всех словоупотреблений глаголов в тексте) и обсуждается вопрос о связи глагольной морфологии с содержанием и стилистикой текстов. В качестве сравнительного материала, оттеняющего специфику текстов с описаниями игр, использовались тексты марийских сказок, литературные тексты диктантов на марийском языке, а также данные больших онлайн-корпусов марийского литературного языка. Наше исследование показало, что главными специфическими особенностями глагольной морфологии рассказов об играх, отличающими их от других типов текстов, являются преобладание (хоть и небольшое) нефинитных форм над финитными и высокая частотность причастий (в функции ситуативного наименования игроков). Кроме

того, как и в сказочных текстах, в описаниях игр настоящее-будущее время значительно преобладает над прошедшими, третье лицо – над первым и вторым, единственное число – над множественным, довольно высока доля глагольных форм – треть от всех слов в тексте. Эти признаки можно считать характерными не только для игр, но шире – для текстов типа action (акциональных текстов). Высокая доля п-овых деепричастий и в описаниях игр, и в сказках, и в целом в литературных текстах на марийском языке объясняется широким использованием в марийском языке сложных глагольных комплексов (деепричастных конструкций с грамматикализированным спрягаемым глаголом). В частности, и в описаниях игр они служат для выражения различных нюансов действия – аспекта (вида), направления, бенефициара, модальности, фазы и т. п.

Полная выборка и анализ деепричастных конструкций в текстах с описаниями игр осуществлены в **разделе 4.4. «Сложные глагольные комплексы»**. В исследованном корпусе текстов с описаниями игр объемом 6217 слов было выявлено 150 сложных глагольных комплексов общим числом вхождений – 207 единиц. Оказалось, что каждое пятое словоупотребление глагола (407 из 2000) входит в тот или иной сложный глагольный комплекс либо в качестве лексического деепричастия, либо в качестве грамматикализованного спрягаемого глагола. Учет и анализ каждой деепричастной конструкции в корпусе позволил выявить ранее не обсуждавшиеся в качестве вспомогательных глаголы марийского языка *ышташ* ‘делать’, *ончыкталташ* ‘показываться’, *налалташ* ‘братся’ и, кроме того, двадцать ранее не отмеченных в литературе пар-сочетаний модификаторов с лексическими глаголами. Обнаружен также достаточно интересный материал, иллюстрирующий нетривиальные морфосинтаксические свойства марийских деепричастных конструкций, а именно: «строенные глаголы» (конструкции CVB+CVB+VERB), сложные и редублицированные лексические глаголы в деепричастной конструкции, деепричастные конструкции с инверсией элементов (VERB+CVB), эллипсис лексического глагола. Важно, что сложные глагольные комплексы, распространенные как в текстах с описаниями игр, так и в целом характерные для марийского языка, появились в марийском языке (как и в удмуртском) под воздействием тюркских языков (т. е. тюркского типа и происхождения). Учет контекстной семантики позволил скорректировать полученные в п. 4.2

данные о количественном балансе глаголов разных лексико-семантических групп в текстах с описаниями игр. Первое место по частотности заняли глаголы бытийные, модальные, фазовые (употребляемые обычно как служебные), на втором месте – глаголы движения-перемещения и позы, на третьем – глаголы манипуляции и физического воздействия. Достаточно значительная часть вхождений глаголов движения, позы и контактного действия, а также часть глаголов ментального и зрительного действия пришлась на сложные глагольные комплексы, где они выступают в качестве модификатора (т. е. служебного глагола), утрачивая свое основное лексическое значение.

Каждый раздел четвертой главы диссертации (кроме п. 4.3) заканчивается дополнением (своего рода внутренним приложением), в котором в табличном формате систематизировано представлены материалы анализа, что позволяет убедиться в точности представленных расчетов и выводов. Так, в конце п. 4.1 приводится алфавитный список всех глагольных лемм в обследованном корпусе с указанием их частотности и ключевости; в конце п. 4.3 – список всех глагольных форм от ста самых частотных глагольных лемм в корпусе с полной глоссировкой; в конце п. 4.4 – полный список всех обнаруженных сложных глагольных комплексов.

В конце каждой главы диссертации формулируются выводы.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Формулируются основные результаты, намечаются пути и перспективы дальнейших исследований, постулируется ценность традиционной игровой культуры и высокий эвристический потенциал исследований в этой области не только для языкознания, но и этнографии, фольклористики, культурной антропологии и других смежных областей гуманитарного знания.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

I. Монографии:

1. Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – 384 с.

1а. Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Издание II, исправленное и дополненное. – М.: Форум; Неолит, 2014. – 400 с.

1b. Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. – М.: Редкая птица, 2015. – 395, [3] с.

2. Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: опыт типологии. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2018. – 183 с.

II. Публикации в изданиях, индексируемых в Scopus и Web of Science:

3. Ключева М. А. О происхождении русских игровых терминов: сало, салки, масло // Урало-алтайские исследования. – 2012. – № 2 (7). – С. 39–51.

4. Ключева М. А. Марийская лексика игр с костями и деревяшками (в тюркском, русском и финно-угорском контексте) // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 1 (8). – С. 99–114.

5. Ключева М. А. *Сокрытага* «Слепая овца» и *Шорыкйол* «Овечья нога»: к этимологии названия марийской игры и праздника // Вопросы языкознания. – 2014. – № 4. – С. 104–113.

6. Ключева М. А. К этимологии марийской игры *митули* // Вопросы языкознания. – 2015. – № 4. – С. 37–59.

7. Ключева М. А. К генезису марийской игры «клёк» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 4 (14). – С. 119–128.

8. Романий Г. И., Ключева М. А. К этимологии зачинов *кин-гера*, *тилирам*, *киргиз-татарин* и др. в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)» // Вопросы языкознания. – 2016. – № 3. – С. 115–130.

9. Романий Г. И., Ключева М. А. Зачин *блин-та-та* в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 1. – С. 113–122.

10. Ключева М. А. Обрядовые элементы праздника Шорыкйол в марийских народных играх // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 150–165.

11. Ключева М. А. Зоонимы в именах персонажей марийских народных игр // Вестник угроведения. – 2020. – № 3. – С. 462–471.

12. Ключева М. А. Персонаж *вувер* в марийских народных играх // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 259–278.

13. Ключева М. А. Зооним «медведь» в марийских народных играх // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – № 1 (27). – С. 9–20.

14. Ключева М. А. Мифологическая и религиозная лексика в марийских народных играх // Вестник угроведения. – 2022. – № 3 (50). – С. 436–444.

15. Ключева М. А. Чураня (формулы-восклицания) в марийских прятках // Acta Linguistica Petropolitana. – 2022. – Vol. 18.2. – P. 118–162.

16. Ключева М. А. Русские заимствования в игровой лексике вятских и уральских мари // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2023. – № 1. – С. 17–28.

17. Ключева М. А. Тюркские заимствования в волжском говоре марийского языка (игровая лексика) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2023. – № 2. – С. 198–211.

18. Ключева М. А. Некоторые чураня (формулы-восклицания) в марийских догонялках // Acta Linguistica Petropolitana. – 2023. – Vol. 19.2. – P. 169–197.

19. Ключева М. А. Лексика игр в классики в марийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. – 2024. – Vol. 20.2. – P. 295–336.

20. Ключева М. А. *Екижук*: об одном наименовании лешего в марийском фольклоре // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 32–46.

21. Ключева М. А. Игры коми // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18. – № 4. – С. 613–616.

22. Ключева М. А. Соотношение исконной финно-угорской лексики и заимствований в стослове самых частотных глаголов марийского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2025. – № 1. – С. 35–49.

III. Публикации в зарубежных изданиях, индексируемых в Scopus:

23. Ключева М. А. Образцы речи томских мари (по архивным материалам 1969 г.) // Linguistica Uralica. – 2017. – № 4. – С. 276–292.

24. Ключева М. А. Наименования игры типа snow snake (нырок) в уральских языках // Linguistica Uralica. – 2026. – № 1. – С. 44–73.

IV. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

25. Ключева М. А. Подвижные детские игры: к проблеме изучения народной терминологии // Традиционная культура. – 2007. – № 4. – С. 77–88.

26. Ключева М. А. «На золотом крыльце сидели»: к истории одной считалки // Обсерватория культуры. – 2013. – № 1. – С. 122–125.
27. Ключева М. А. Марийские названия игр в догонялки (морфология) // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 5. – С. – 136–150.

V. Публикации в иных научных журналах, индексируемых в РИНЦ:

28. Ключева М. А. Обзор источников с описаниями марийских народных игр: ранние публикации (до 1930 г.) // Финно-угроведение. – 2018. – С. 129–144.
29. Ключева М. А. Антропонимы, соционимы и термины родства в марийских народных играх // Финно-угроведение. – 2022. – С. 19–29.
30. Ключева М. А. Морфологические модели названий игр в марийском языке // Финно-угроведение. – 2023. – С. 12–30.
31. Ключева М. А. Корпусное исследование глагольной лексики в марийских народных играх: частотность, ключевость // Финно-угроведение. – 2024. – № 1 (65). – С. 21–51.
32. Ключева М. А. Сложные глагольные комплексы в марийских текстах с описаниями народных подвижных игр // Финно-угроведение. – 2025. – № 70 (2). – С. 7–46.

VI. Публикации в сборниках научных трудов:

33. Большакова М. А. (= Ключева М. А.) Игровая лексика: культурный объем народных терминов // Международная школа молодых фольклористов: Программа. Тезисы. – СПб.: РИИИ, 2003. – С. 7–8.
34. Большакова М. А. Народные подвижные детские игры: к проблеме национального // IFUSCO–XIX: Международная студенческая финно-угорская конференция: тезисы докладов. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2003. – С. 9–10.
35. Большакова М. А. Об отличиях подвижных игр девочек и мальчиков // Гендерная теория и историческое знание: Материалы международной научно-практической конференции. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2003. – С. 120–122.
36. Большакова М. А. Сюжет путешествия в народных играх // Культурное пространство путешествий: Материалы научного форума 8–10 апреля 2003 г. – СПб.: Изд-во СПбГУ, Центр изучения культуры, 2003. – С. 186–188.

37. Большакова М. А. Художественная композиция... спортивной игры // Проблемы художественной композиции: Материалы конференций аспирантов Российского института истории искусств. – СПб.: РИИИ, 2004. – С. 55–59.
38. Большакова М. А. Детские игры и современное телевидение // Механизм передачи фольклорной традиции: Материалы XXI Междунар. молодеж. конф. памяти А. Горковенко, апр. 2001 г. – СПб.: РИИИ, 2004. – С. 257–269.
39. Ключева М. А. Прятки, жмурки, догонялки: опыт формализованного описания // Наука. Образование. Молодежь: сборник статей. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. – С. 61–69.
40. Ключева М. А. Об иноязычных элементах в асемантической лексике народных детских игр (на материале марийско-русских взаимовлияний) // Социокультурное развитие Республики Марий Эл: История и современные процессы (К 90-летию Республики Марий Эл) (Йошкар-Ола, 2010 г.). Всероссийская научно-практическая конференция. 28–29 октября 2010 года. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. – С. 92–95.
41. Ключева М. А. Процессы межэтнического взаимодействия в зеркале детского фольклора // IX Конгресс этнографов и антропологов России. – Петрозаводск, 4–8 июля, 2011. – С. 187–188.
42. Ключева М. А. К сравнительному изучению русской, финно-угорской и тюркской народной игровой терминологии // Фольклористика и культурная антропология сегодня: Тезисы и материалы Международной школы-конференции 2012. – М.: РГГУ, 2012. – С. 191–196.
43. Ключева М. А. К сравнительному изучению русской, финно-угорской, тюркской игровой терминологии (о некоторых чужаках в прятках) // Финно-угорская музыкальная культура и современный мир: Тезисы Международной научной конференции 7–9 ноября 2012 г. – Казань: КГК, 2013. – С. 146–153.
44. Ключева М. А. Морфология и семантика детского фольклора (на примере детских массажных стихов) // Социокультурные институты и культурные практики в республике Марий Эл: сборник научных статей / под общей ред. С. К. Свечникова. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – Вып. 1. – С. 125–158.

45. Ключева М. А. К этимологии названия марийского праздника Шорыкйол «Овечья нога» // Основные проблемы развития национальных музыкальных культур в XXI веке. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся в рамках I Открытого Всероссийского конкурса-фестиваля молодых музыкантов им. А. Я. Эшпая (07.11.2013) / сост. Е. Г. Соколова. – Йошкар-Ола, 2014. – С. 86–96.

46. Ключева М. А. Марийская игра в шарка (*шарка́ла модма́ш*) в контексте игровой культуры народов Урало-Поволжья // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2016. – С. 444–448.

47. Ключева М. А. Некоторые примеры фонетической адаптации заимствований в марийской игровой лексике // Бусыгинские чтения. Вып. 9. Народы в поликультурном взаимодействии. Материалы Международной научно-практической конференции. 5 декабря 2016 года. – Казань, 2016. – С. 93–97.

48. Репина М. В., Ключева М. А. Марийские игры: библиографический обзор // Социокультурные институты и культурные практики в Республике Марий Эл: сборник научных статей. Вып. 3. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2017. – С. 109–137.

49. Ключева М. А. Марийские считалки с зачином *пер-* (*nip-*) в контексте игрового фольклора народов Урало-Поволжья // Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал / гл. ред. А. К. Гагиева. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, 2017. – Вып. 1 (16). – С. 85–92.

50. Ключева М. А. Этимологический анализ лексики марийских игр как инструмент реконструкции общей игровой культуры народов Урало-Поволжья (по данным языка) // XII конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 / отв. ред. А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. – М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 363–364.

51. Ключева М. А. Горномарийская сетература как источник фольклорно-этнографических сведений о народных играх // XVII Игнатьевские чтения: материалы докладов и выступлений на ежегодной Ре-

гиональной научно-практической конференции с международным участием «Горные мари в поликультурном пространстве», посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, почетного профессора МарГУ Л. П. Васиковой (1927–2012) (Пайгусово, 28 мая 2017). – Йошкар-Ола, 2018. – С. 104–110.

52. Ключева М. А. Особенности рассказов-меморатов о детских играх в полевых записях от взрослых информантов // Традиционная культура народов Поволжья: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 13–15 февраля 2018 г.). – Казань: Ихлас, 2018. – С. 214–224.

53. Ключева М. А. Языковые контакты народов Урало-Поволжья на материале игровой лексики и игрового фольклора // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Международного симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – С. 121–123.

54. Ключева М. А. Наименование Васли в марийских играх // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / сост. Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2019. – С. 275–278.

55. Ключева М. А. Проблемы и эвристические возможности свода материалов «Марийские народные игры» // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред.: М. Ю. Мартынова. – М. – Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – С. 247.

56. Ключева М. А. Мнимые и скрытые зоонимы в марийской игровой лексике // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / сост. Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2020. – С. 204–209.

57. Ключева М. А. Обзор источников с описаниями горномарийских игр. Современные полевые записи // XIX Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на ежегодной Региональной научно-практической конференции «Горные мари в контексте истории и культуры», посвященной Году театра в России (с. Кулаково, 2 апреля 2019 г.). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. – С. 128–142.

58. Ключева М. А. Жанровые свойства и языковые особенности марийской считалки // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 18: Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России / сост.: В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; отв. ред. М. Г. Матлин. – М. – Ульяновск: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, Центр народной культуры Ульяновской области, 2020. – С. 172–184.

59. Ключева М. А. Специфическая лексика в марийских играх // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе. Материалы VII научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш», посвященной 100-летию РМЭ и Сернурского р-на (п. Сернур, 9 апреля 2021 г.) / отв. ред. С. К. Свечников. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. – С. 205–211.

60. Ключева М. А. Общая лексика игровой культуры мари и чувашей // Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической перспективе: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (с. Красный Яр, 22 сентября 2023 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Эрцикова. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. – С. 155–166.

61. Ключева М. А. Чураня в прятках горных мари // XXII Игнатьевские чтения. Материалы ежегодной Региональной научно-практической конференции «Горные мари и полиэтнический мир», посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, почетного профессора МарГУ Лидии Петровны Васиковой. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. – С. 97–115.

62. Ключева М. А. Названия игр в жмурки и догонялки у горных мари: *äwëik, сюре, пёрä (увре)* // XXIII Игнатьевские чтения. Материалы ежегодной Региональной научно-практической конференции «Горные марийцы и город Козьмодемьянск: историко-культурные взаимосвязи», посвященной 440-летию со дня основания г. Козьмодемьянска. – Йошкар-Ола, 2024. – С. 64–78.

63. Ключева М. А. Глаголы тюркского происхождения в корпусе рассказов об играх на марийском языке // Национальные языки и межкультурные процессы в современном мире: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 9–10 октября 2024 года / сост.:

М. Р. Булатова, А. К. Булатова, Л. Г. Хабибуллина, А. Я. Хусаинова. – Казань: ИЯЛИ, 2024. – С. 194–198.

64. Ключева М. А. Марийское *кишке тоя* ‘палка-змея’ и другие названия игры типа snow snake (нырок) в языках Северной Евразии // КАЭР 2025. Тезисы докладов XVI Конгресса антропологов и этнологов России. 2–6 июля 2025 г. (электронное издание), тезисы, с. 261–262.

65. Ключева М. А. Чувашское *Сурхури* и марийское *Шорыкйол (Шартял)*: какое название праздника «овечьей ноги» первично? // КАЭР 2025. Тезисы докладов XVI Конгресса антропологов и этнологов России. 2–6 июля 2025 г. (электронное издание), тезисы, с. 100.

VI. Публикации в иных (научно-популярных) изданиях

66. Ключева М. А. «Пушты-нашты, кто велел?» // Мама, папа, я: медицина, психология, педагогика. – М., 2011. № 3 (апрель). – С. 21.

67. Ключева М. А. Войнушки нашего двора // Мама, папа, я: медицина, психология, педагогика. – М., 2011. № 4 (май). – С. 20.

Ключева Мария Аркадьевна

ЯЗЫК МАРИЙСКОЙ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 24.06.2026 г. Формат 60х84/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «СТРИНГ»,
424006, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Малое Чигашево, 4